

АНАЛИЗ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Крупнейшей исторической заслугой Плеханова является глубокий и разносторонний анализ форм общественного сознания и их значения в развитии общественно-исторического процесса. Он справедливо считал, что на долю последователей Маркса и Энгельса выпала исключительно важная задача материалистического понимания истории — проанализировать закономерности идеологических форм и механизм связи их с базисом. Он писал, что основоположники марксизма не успели реализовать эту задачу, но оставили после себя важнейшие методологические подходы к более детальному анализу идеологии.

Еще в своих ранних произведениях Плеханов настойчиво подчеркивал, что марксистскую теорию необходимо развивать дальше. В работе «Социализм и политическая борьба» он писал: «За установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, разработка, дополняющая и завершающая переворот, совершенный в науке авторами „Манифеста Коммунистической партии“». ¹

Плеханов понимал также, что этот совершенный Марксом и Энгельсом переворот касается всей области общественной науки. «Нет ни одной отрасли социологии, которая не приобрела бы нового и чрезвычайно обширного поля зрения, усваивая их философско-исторические взгляды». ²

¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. I. М., 1956, с. 69—70.

² Там же, с. 70.

Нужны коренные изменения в объяснении идеологического процесса. «*Научная история духовного развития человечества должна быть еще целиком написана*». ³ Все, что было сделано буржуазными теоретиками, нуждается в коренных изменениях, а сама история идеологии — в развитии на базе диалектического материализма. «В то время как экономическое развитие в общих чертах достаточно может быть объяснено при помощи своей собственной логики, путь духовной эволюции находит себе объяснение только в экономике». ⁴ Но последнее имеет весьма сложный характер.

Плеханов обращает внимание на диалектику объективной и субъективной сторон исторического процесса. Выступая против искажений материалистического понимания истории, он пишет: «Маркс говорит: при объяснении *субъекта* посмотрим, в какие взаимные отношения люди становятся под влиянием *объективной* необходимости. Раз известны эти отношения, можно будет выяснить, как развивается под их влиянием человеческое самосознание. *Объективная действительность* поможет нам выяснить *субъективную сторону* истории». ⁵ Однако, замечает Плеханов, на этом Маркс не ставит точку, а исследует вторую половину проблемы — активную роль субъективной стороны истории.

Что же такое субъективная сторона жизни? «*Субъективная сторона* этой жизни, — отвечает Плеханов, — и есть как раз *психологическая сторона*, „человеческий дух“, чувства и идеи людей. Рассматривать эту сторону с материалистической точки зрения — значит, поскольку речь идет об определенном *виде*, объяснять историю идей материальными условиями существования людей, *экономической историей*». ⁶

Плеханов плодотворно разрабатывает основные принципы исторического материализма применительно к различным идеологическим формам в обществе, особенно закон относительной самостоятельности в развитии идеологии. Маркс, замечает он, отнюдь не ограничивает действие идеологий, он только объясняет его. В своей полемике

с идеалистами Плеханов, анализируя зависимость форм общественного сознания от закона экономического развития, раскрывает относительную самостоятельность действий таких идеологических форм, как право, мораль, искусство и пр. Он указывал, что с самого начала Маркс и Энгельс исходили из признания активного действия общественного сознания. «Анализом содержания Манифеста, — писал Плеханов, — написанного Марксом и Энгельсом в первый период их литературной деятельности, я показал, что их исторический материализм всегда признавал, что человеческое сознание, вырастающее из данного общественного бытия, в свою очередь воздействует на это бытие, способствуя этим его дальнейшему развитию, обуславливающему новое изменение в идеологической области». ⁷

В борьбе с идеализмом Плеханов показывает, что его способ объяснения развития идеологий порочен, противоречит действительности и практической деятельности людей. Касаясь таких форм общественного сознания, как философия и искусство, он писал: «Мы знаем, что иногда переход от одной философской системы или от одной школы в искусстве к другой совершается очень быстро, в течение нескольких лет, иногда же для него требуются целые столетия. Откуда происходит это различие? Логическая филиация идей совершенно его не объясняет. Не объясняют ничего и указания общеизвестной школьной мудрости на взаимодействие и на случайные причины». ⁸

Полемизируя с идеалистами и эклектиками, Плеханов, следуя за Марксом, устанавливает общий закон зависимости надстроек от базиса через понятие социальной среды. «Свойства социальной среды, — пишет он, — определяются состоянием производительных сил в каждое данное время. Раз дано состояние производительных сил, даны и свойства социальной среды, дана и соответствующая ей психология, дано и взаимодействие между средой, с одной стороны, и умами и нравами, — с другой». ⁹ Происходит процесс приспособления психологии и идеологии к экономике через социальную среду. «*Психология общест-*

³ Там же. Т. II, М., 1956, с. 159.

⁴ Там же, с. 176.

⁵ Там же, т. I, с. 673.

⁶ Там же, т. II, с. 171.

⁷ Там же. Т. III, М., 1957, с. 356.

⁸ Там же, т. I, с. 426.

⁹ Там же, с. 655.

ва приспособляется к его *экономии*. На данной *экономической основе* роковым образом возвышается соответствующая ей *идеологическая надстройка*. Но, с другой стороны, каждый новый шаг в развитии производительных сил ставит людей в их повседневной житейской практике в новые взаимные положения, не соответствующие отживающим отношениям производства. Эти новые, небывалые положения необходимо отражаются на психологии людей, очень сильно ее изменяют. В каком же направлении? Одни члены общества отстаивают старые порядки, это люди застоя. Другие — те, которым не выгоден старый порядок, — стоят за поступательное движение; их психология видоизменяется в направлении *тех отношений производства, которыми заменяются со временем старые, отживающие экономические отношения*.¹⁰ Плеханов делает заключение, что психологическая эволюция предшествует экономической революции.

В классовом обществе зависимость идеологических надстроек от экономики проходит через отношения и борьбу классов, которые являются прямым выражением существующих производственных отношений. Плеханов указывает, что содержание и направление идеологии всякого класса зависят от интересов класса, коренящихся в существующей экономике общества.

Плеханов в своем анализе идеологических надстроек, различал надстройки низшего или первого порядка, затем второго порядка и, наконец, самого высшего порядка. К первым он относил политику, право, ко второму порядку — науки и мораль. К надстроечным формам высшего порядка он причислял философию с искусством. Такое деление было связано у него с различным характером зависимости надстроечных форм от экономики.

Некоторые надстройки («первого порядка») зависят непосредственно от экономики и отражают ее содержание нередко прямо, другие — связаны с экономикой опосредованно и отражают ее содержание косвенно и, наконец, третьи — (самого высшего порядка) зависят от экономики через целый ряд посредствующих идеологических звеньев.

Проблема социальных отношений, по Плеханову, является той промежуточной инстанцией между экономи-

¹⁰ Там же, с. 647.

кой и идеологией, которая объясняет механизм связи между ними в классовом обществе.

Очень сложный вопрос, о котором Энгельс говорил как о неразработанном, — это анализ «промежуточных инстанций» между базисом и высшими формами общественного сознания — философией и искусством. Этот вопрос творчески рассматривается Плехановым. Конкретизируя положения Маркса и Энгельса, он анализирует основные наиболее общие закономерности развития идеологий, их преемственную связь, активное влияние на экономический базис и социальную структуру, одновременно раскрывая их классовый характер в классовом обществе. Это дает возможность говорить о творческом развитии Плехановым одной из важнейших проблем марксистской социологии. Он выступает против схематизма и тогда, когда следует объяснить вопрос, почему в одном случае преимущественное развитие получает одна форма общественного сознания, в другом случае — другая. «Но вот что обязательно помнить под страхом ничего не понять в истории идей: иногда на первый план выступает религия, иногда философия, иногда политика и т. д.»¹¹

Подвергая критике схематизм немецкого искусствоведа Фейергерда, который происхождение различных греческих стилей объяснял экономическим состоянием Древней Греции, Плеханов замечает: «По своей схематичности его рассуждения напоминают рассуждения наших доморожденных Фриче и Рожковых, которым, как и ему, надо пожелать прежде всего и больше всего *изучения современного материализма*. Только *марксизм* может спасти всех их от схематизма».¹²

Связь наиболее абстрактных форм общественного сознания, таких как философия или искусство, с экономическими условиями жизни происходит через посредство более конкретных идеологических форм, как политические и правовые теории, как этические концепции. «На различных стадиях экономического развития общества всякая данная идеология в неодинаковой степени, — замечает Плеханов, — испытывает на себе влияние других идеологий. Вначале право подчиняется религии,

¹¹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. III. М., 1974, с. 70.

¹² Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III, с. 179.

затем — как, например, в 18-ом веке — оно подпадает под влияние философии.¹³

Между различными формами общественного сознания существует взаимодействие, но это взаимодействие отнюдь не одинаково на различных этапах общественного развития. Плеханов подчеркивает, что «на различных стадиях общественного развития всякая данная идеология в очень неодинаковой степени испытывает на себе влияние других идеологий».¹⁴ Поэтому необходим конкретный анализ всей многосложной идеологической надстройки, чтобы установить зависимость исследуемой идеологической формы от экономических условий общественной жизни.

Плеханов в своих исследованиях подчеркивает, что влияние различных идеологических форм одного народа на таковые же формы другого находится в зависимости от сходства существующих общественных отношений. Говоря о влиянии литературы одного народа на литературу других народов, Плеханов писал: «Итак, влияние литературы одной страны на литературу другой прямо пропорционально сходству общественных отношений этих стран. Оно совсем не существует, когда это сходство равняется нулю».¹⁵ Оно может быть односторонним, когда один народ по своей отсталости не может ничего дать другому ни в смысле формы, ни в смысле содержания. Это влияние может быть взаимным вследствие сходства общественного быта, культурного развития.

Объясняя, почему литературные течения, философские идеи приобретают свой особый оттенок, иногда почти новый смысл в странах Европы, Плеханов обращается к анализу общественных отношений. Он пишет: «Одинаковые по своей природе, но неодинаковые по степени развития, общественные элементы различно сочетались в различных европейских странах и тем причиняли то, что в каждой из них было очень своеобразное „состояние умов и нравов“, выразившееся в национальной литературе, в философии, в искусстве и т. д. Вследствие этого один и тот же вопрос мог до страсти волновать французов и оставлять холодными англичан, к одному и тому же

доводу передовой немец мог относиться с почтением, а передовой француз с горячей ненавистью».¹⁶

Плеханов отмечает, что взаимодействие существует в международной жизни, как и во внутренней жизни народов, но «чтобы понять взаимодействие, надо выяснить себе свойства взаимодействующих сил, а эти свойства не могут найти себе последнее объяснение в факте взаимодействия, как бы не изменялись они благодаря ему. В нашем случае качества взаимодействующих сил, свойства влияющих один на другой общественных организмов объясняются в последнем счете уже известной нам причиной: экономической структурой этих организмов, которая определяется состоянием их производительных сил».¹⁷

Выдвигая это положение, Плеханов ставит вопрос о значении классов и классовой борьбы при решении проблемы взаимовлияния в исторической преемственной связи идеологий. «Мы уже знаем, — пишет Плеханов, — что классы ведут между собою почти непрерывную, то скрытую, то явную, то хроническую, то острую борьбу. И эта борьба оказывает огромное, в высшей степени важное влияние на развитие идеологий. Можно без преувеличения сказать, что мы ничего не поймем в этом развитии, не приняв в соображение классовой борьбы».¹⁸

Но влияние социальных условий и интересов на идеологию нельзя понимать упрощенно. Плеханов обращает внимание на то, что «никогда не следует при этом забывать, что если идеи, ... по своему содержанию определяются социальным положением этого класса, то по своей форме они находятся в тесной связи с идеями, господствовавшими в предшествующую эпоху в том же самом или в высшем классе».¹⁹

В своем анализе идеологий Плеханов большее внимание уделяет закону преемственной связи. «Идеологи одной эпохи, — пишет Плеханов, — или идут по следам своих предшественников, развивая их мысли, применяя их приемы и только позволяя себе „соперничать“ с ними, или же они встают против старых идей и приемов, выступают в противоречие с ними».²⁰ Но в том и другом

¹³ Там же, т. II, с. 292.

¹⁴ Там же, с. 261.

¹⁵ Там же, т. I, с. 658.

¹⁶ Там же, с. 659.

¹⁷ Там же, с. 660.

¹⁸ Там же, т. I, с. 660.

¹⁹ Там же, т. II, с. 175.

²⁰ Там же, т. I, с. 661.

случае идеология отталкивается от существующих идей. Без внимания к этому закону невозможно понять процесс исторического развития идеологий. Плеханов следующим образом формулирует это положение: «чтобы понять „состояние умов“ каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему в течение этой эпохи торжествуют именно те, а не другие учения, надо предварительно ознакомиться с „состоянием умов“ в предыдущую эпоху; надо узнать, какие учения и направления тогда господствовали. Без этого мы совсем не поймем умственного состояния данной эпохи, как бы хорошо мы ни узнали ее экономию».²¹

Плеханов подчеркивает в связи с этим, что в сочетании человеческих понятий и представлений есть свои особенные законы. Каждая идеология обладает присущими ей законами. «Идеи, чувства и верования сочетаются по своим особым законам. Но эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами».²² Анализируя внутренние законы эстетики, Плеханов, например, указывает на такой закон, как соответствие формы содержанию. Действием внутренних законов развития форм общественного сознания он объяснял опережение ими экономического состояния общества.

В этой связи Плеханов указывает на необходимость анализа теоретико-познавательной базы идеологических явлений. На стр. 5 книги Вейзенгруна «Das Problem» он делает примечание: «В истории философии значение теории познания все еще недооценивается; важность теоретико-познавательных проблем не только для философии в строгом смысле слова, но и для этики, для художественных и социальных воззрений, все еще недостаточно понята».²³

Большой заслугой Плеханова является постановка вопроса о значении социальной психологии в обществе. Он опроверг все голословные утверждения противников марксизма о том, что Маркс и Энгельс не учитывали психики как одного из важных факторов общественной

жизни. «Материалисты, — писал Плеханов, — вовсе не отрицают значения психики. По их мнению, „психика“ — не только могущественный, но и безусловно необходимый фактор цивилизации, так как без „психики“ цивилизация была бы совершенно невозможна».²⁴ Для Маркса, замечает Плеханов, проблема истории в известном смысле была также психологической проблемой. «Психический „фактор“ реагирует на общественные (а следовательно, и на экономические) отношения».²⁵ Маркс, говоря об общественно-преобразовательной роли сознания, указывал и на такой компонент социальной психологии, как энтузиазм. Маркс признавал его огромное, ничем не заменимое значение. Изменение экономической структуры вследствие развития производительных сил влечет за собой новую психологию, новый «дух времени».

Плеханов глубоко вторгся в анализ психологической сферы литературных произведений и произведений изобразительного искусства. По его мнению, проблема реализма не может игнорировать эту сторону исследования. Истинное художественное произведение глубоко изображает переживания своих героев. «В чем заключается разница между занятым рассказчиком и художником, скажем — между Александром Дюма-отцом и Густавом Флобером? В том, что первый действует на читателя *внешним интересом рассказываемых событий*, а другой „завораживает“ его *изображением того, что переживают его герои*».²⁶

В этом отношении исключительное значение имеют произведения Плеханова, посвященные анализу художественных произведений Г. Успенского и других авторов-народников. В них он показывает, что именно эти авторы глубоко раскрывают перед читателем связь социальной психологии русского крестьянина с его «экономией» и изменение этой психологии под разрушающим влиянием капитализма, вторгающегося в деревню.

Но социальная психология, вырастая в конечном счете из изменений в базисе, становится посредствующим

²¹ Там же, с. 662.

²² Там же, с. 665.

²³ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. III, с. 27 (прим. 2).

²⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. IV. М., 1937, с. 240 (прим.).

²⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 491.

²⁶ Плеханов Г. В. Соч., т. XXIV. М.—Л., 1927, с. 285.

звеном связи между моралью и искусством. Плеханов писал: «Чтобы понять ... историю искусства в данной стране, недостаточно знать ее экономию. Надо от экономии уметь перейти к общественной психологии». ²⁷ Он подвергает критике вульгарный подход к анализу идеологических надстроек, когда из него исключается социальная психология. Все его произведения по вопросам морали и искусства проникнуты этими мыслями. Вот почему все попытки приписать Плеханову непонимание своего рода «психологического посредника» между экономикой и указанными идеологическими формами не имеют никакого основания. ²⁸

Необходимо заметить, что в своих ранних произведениях Плеханов иногда слишком широко понимал социальную психологию, включая в нее и идеологию. «Субъективная сторона этой жизни, — писал он, — и есть как раз психологическая сторона, „человеческий дух“, чувства и идеи людей». ²⁹ Несколько позже у него наблюдается дифференциация указанных понятий общественного сознания по мере того, как он более глубоко и разносторонне анализирует его. Он различает две формы общественного сознания, что нашло свое отражение в его пятичленной формуле общественного развития. Плеханов первый из марксистов выдвинул вопрос о соотношении идеологии и социальной психологии.

Ю. В. Франкфурт в статье «О различии между психологией и идеологией», анализируя взгляды Плеханова, писал: «Мы считаем себя вправе утверждать, что, по Плеханову, как и по Ленину, психика — это вся субъективная сторона, весь человеческий дух, все бессознательное и все сознательное, все чувства и идеи, все субъективное, а идеологии — это часть субъективного, а именно активное сознание, приведенное в систему посредством переработки высшей степени по логическим и высшим психологическим (а следовательно, и лежащим в основе последних физиологическим) законам, вокруг объединяющей идеи, вокруг руководящего субъективного принципа». ³⁰

²⁷ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 247.

²⁸ См., например: Munro Th. Evolution in the Arts and other Theories of Culture History. Cleveland, 1963, p. 102.

²⁹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 171.

³⁰ Вестник Комкадемии, 1929, кн. 33 (3), с. 66.

В системе психологии человека Плеханов отмечает такие компоненты, как эмоции, воля, желания, инстинктивное, бессознательное и пр. Все они играют определенную роль в формировании идеологии. Психика включает все виды наших переживаний. Он отмечает, что в каждом человеческом действии проявляются те или иные свойства данного индивидуума.

Плеханов анализирует содержание социальной психологии, ее различные компоненты у различных классов, такие как индивидуализм, солидарность, подражание, нерешительность, мужество, оптимизм и пессимизм и т. д.; выясняет их значение в общественных отношениях различных классов. Эти компоненты теснейшим образом связаны с существующими общественными отношениями, в которые поставлен тот или иной класс или индивид. Касаясь такого явления, как подражание, Плеханов замечает: «Стало быть, мы можем сказать, что хотя у человека, несомненно, есть сильное стремление к подражанию, но это стремление проявляется лишь при известных общественных отношениях...». ³¹

Плеханов показывает, как различные экономические отношения у крестьянства и рабочего класса порождают различную у них общественную психологию. Узкие пределы экономики крестьянского хозяйства обуславливают застойные формы мышления крестьянства, отсутствие широкого общественного взгляда на окружающую жизнь. «Область, — пишет Плеханов, — в которой может безопасно вращаться крестьянская мысль, ограничивается пределами крестьянского хозяйства. Занимаясь хозяйством, крестьянин становится в известные отношения к земле, к навозу, к орудиям труда, к рабочему скоту». ³² Эти отношения «не имеют ничего общего со взаимными отношениями людей в обществе, а именно ... от них-то и зависит большая или меньшая широта его взглядов, его понятия о справедливости, его общественные интересы». ³³

Совершенно иначе обстоит дело у рабочего класса. Концентрация рабочих на фабрике вырабатывает у них дух солидарности, чувство единства, сплоченности, ак-

³¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. V, М., 1958, с. 295.

³² Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. II. М., 1958, с. 333.

³³ Там же.

тивность чувств и мышления, обуславливает совместную борьбу с капитализмом.

Социальная психология, по Плеханову, связана со всеми надстроечными формами политики, морали и другими идеологиями. Исключительно глубоко анализирует Плеханов связь и взаимодействие социальной психологии и искусства.

В борьбе против идеалистических противников Плеханов подчеркивает, что классовый характер социальной психологии и психология отдельного лица отражают эту сторону общественных отношений. «Но психология действующих лиц (в художественных произведениях, — *Б. Ч.*), — пишет он, — потому и приобретает в наших глазах огромную важность, что она есть психология целых общественных классов или по крайней мере слоев и что, следовательно, процессы, происходящие в душе отдельных лиц, являются отражением исторического движения».³⁴

Борьба классов придает социальной психологии определенную окраску. Она становится формой, в которой протекает борьба того или иного класса, а также активным средством этой борьбы. Воля, убежденность, оптимистические или пессимистические представления и тому подобные компоненты психологии оказывают то большее, то меньшее влияние на исход борьбы класса. В искусство вливается «дух публицистики» того класса, представители которого выступают провозвестниками нового и ниспровергателями старого содержания и форм искусства. «Борьба классов, — пишет Плеханов, — окрашивала собою психологию борющихся сторон... И чем более обострялась классовая борьба в данной стране и в данное время, тем сильнее становилось ее влияние на психологию борющихся классов. Кто хочет изучать историю идеологий в обществе, разделенном на классы, тому необходимо внимательно считаться с этим влиянием. Иначе он ничего не поймет».³⁵

Касаясь французского романтизма, Плеханов отмечает, что его психология станет понятной в том случае, если мы взглянем на нее как на психологию определенного класса, находившегося в определенных общественных и исторических условиях. Отмечая последнее обстоятельство, он

³⁴ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. V, с. 184.

³⁵ Там же, т. III, с. 173.

подчеркивал: «Материализм, объясняя психологию данного общества или класса, апеллирует к общественной структуре, создаваемой экономическим развитием, и т. д.».³⁶

Но признавая вслед за основоположниками марксизма великое значение в истории страстей психологического фактора, Плеханов, став меньшевиком, в реальной жизни практически стремился ограничить его значение в революциях 1905 и 1917 гг. Не без известного основания Бэрон, касаясь политической позиции Плеханова, писал: «И в 1905 году и в 1917 году он был поставлен в такую двусмысленную позицию, в которой он должен был сдерживать и охлаждать страсти, которые были „незаконными“ и которые угрожали нарушить принятый им план „неизбежного“, „объективного“ исторического процесса».³⁷

После всех приведенных выше общих положений Плеханова о закономерностях развития идеологии и психологии в обществе, рассмотрим вкратце его подход (и решение) к отдельным элементам надстройки и форм общественного сознания.

Анализируя политическую надстройку, Плеханов указывает на ее непосредственную связь с экономикой, на зависимость ее от нее и в то же время на ее активную роль в изменении базиса общества. «Вырастая из экономических отношений современного ему общества, — замечает он, — политическое могущество буржуазии в свою очередь служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений».³⁸

В своих критических работах против народников и Струве Плеханов обращает внимание на то, что «политический фактор», политическая деятельность класса (посредством государства, политических организаций, партии и пр.) закрепляет и упрочивает существующие производственные отношения, с помощью указанных средств производит их коренное изменение, что связано с социальной революцией. В своем конспекте Бернского реферата Плеханов спрашивает: «Может ли экономия что-либо сделать сама собою? Нет, только путем политической

³⁶ Там же, с. 182.

³⁷ Baron S. Plekhanov the Father of Russian marxism, p. 292.

³⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 78.

борьбы. Политическая борьба необходима для обеспечения экономических интересов». ³⁹

Плеханов правильно решает вопрос о соотношении политики и экономики, подчеркивая определяющее значение последней и активную, формирующую и решающую роль первой. В политике он различает ее объективную сторону — борьбу и отношение классов в обществе — и субъективную сторону — политическое руководство того или иного класса этой борьбой. Поэтому нам представляется, что М. Покровский в статье «Г. В. Плеханов как историк России» не совсем прав в своих упреках в адрес Плеханова, когда критикует Плеханова за преувеличение им роли политики в развитии общества. Мы не касаемся сейчас критического анализа М. Н. Покровского плехановской концепции «Истории русской общественной мысли», в котором есть много справедливого, хотя и преувеличенного. Нас интересует утверждение Покровского, что Плеханов в своей формуле общественного развития в «Основных вопросах марксизма» будто бы стремился отделить политику от экономики. «Тут, конечно, — пишет Покровский, — есть кое-что новое — и это новое, без сомнения, замеченное уже читателем, заключается в несомненной политике сколько возможно эмансипировать политический момент из-под влияния производительных сил. Отодвинуть его подальше от них». ⁴⁰ Покровский здесь не прав. Плеханов в указанном произведении, как и в более ранних работах, правильно в целом решает проблему соотношения политики и экономики. Его ошибки лежат в другой плоскости.

Другое дело, что в период своего политического падения, став меньшевиком, Плеханов начинает пересматривать тезис о содержании классовой борьбы как движущей силе общественного развития. Он становится на позиции сотрудничества буржуазии и пролетариата в период империалистической войны. В своем произведении «История русской общественной мысли» Плеханов формулирует тезис о том, что история в России характеризуется не только борьбой классов, но и их сотрудничеством. Критика Покровским этого тезиса справедлива.

³⁹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. I. М., 1973, с. 39.

⁴⁰ Под знаменем марксизма, 1923, № 6—7, с. 8.

Грубая ошибка Плеханова была замечена буржуазными теоретиками и квалифицирована как отступление от марксизма. Бэрн, касаясь формулы Плеханова в «Истории русской общественной мысли», писал, что это заявление является известным отходом от марксизма. «Противоречия знаменитой первой фразы „Коммунистического Манифеста“, оно допускает нечто большее для истории, чем классовая борьба. Формулировка Плеханова вызвала шок не только потому, что она не согласовалась с фундаментальным положением „научного социализма“, но и потому, что его прежние работы не предполагали этого. Безусловно, его заявление противоречило мыслям, высказанным в его важной статье „Патриотизм и социализм“ (1905)». ⁴¹

Однако надо сказать, что этот ошибочный тезис Плеханов далеко не последовательно реализует при конкретном рассмотрении общественной мысли в России. Классовая борьба рассматривается и в «Истории русской общественной мысли» как источник общественных процессов. Плеханов критикует под этим углом зрения взгляды славянофилов и западников. В одном из вариантов Введения к указанному произведению он весьма ясно указывает на решающее значение классовой борьбы в русском историческом процессе. Он отмечает: «Идиллическое представление о ненарушимом мире между классами, составлявшими русское общество, не выдерживает критики таких общеизвестных фактов, как казацко-крестьянские восстания под водительством Разина, Пугачева. Но мы теперь знаем не только такие яркие факты, бьющие, можно сказать, даже в слепые глаза. В настоящее время вполне доказательно, например, что „смута“ начала XVII века была подготовлена классовой борьбой и сама явилась ее весьма недвусмысленным выражением. Быть может, еще более ясна роль классов в деле уничтожения крепостного права правительством императора Александра II». ⁴²

Социальное, классовое определяет политическое, которое в свою очередь является в конечном счете результатом движения экономики. Плеханов, отмечая следующие слова Ключевского в его книге «Боярская Дума древней Руси», пишет на полях «Верно»: «Обыкновенно

⁴¹ Baron S. Plekhanov the Father of Russian marxism, p. 299.

⁴² Архив Дома Плеханова, Р. 43, I.

политический момент завершает социальную работу над родного хозяйства: господствующий капитал становится источником власти, его операции соединяются с привилегиями его владельца, образуют правительство, экономические классы превращаются в политические со-
словия». ⁴³

Значительное внимание Плеханов уделяет вопросу происхождения и сущности права, как надстройки первого порядка над базисом. Он показывает наиболее близкую его связь с существующими производственными отношениями, зависимость юридических норм от последних. «Почему отменяются старые нормы и старые обычаи? — спрашивает Плеханов. — Потому, что они перестают соответствовать новым „условиям“, т. е. новым фактическим отношениям, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства». ⁴⁴ Но производственные силы растут постепенно. «Поэтому лишь постепенно растут и новые фактические отношения людей в общественном процессе производства. Поэтому лишь постепенно растет и стеснительность старых норм и обычаев, а следовательно, и потребность в придании соответственного *юридического* выражения новым *фактическим* (экономическим) отношениям людей». ⁴⁵

Право связано в своей общественной функции с интересами людей, классов, прежде всего с экономическими. Критикуя Н. М. Коркунова, Плеханов замечает: «Всякая норма положительного права защищает известный интерес. Откуда берутся интересы? Представляют ли они себою продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей... Не сознанием людей вызываются к существованию те интересы, которые право защищает, следовательно, не им определяется содержание права; но содержанием общественного сознания (общественной психологии) в данную эпоху определяется *та форма, которую принимает в человеческих головах отражение данного интереса*». ⁴⁶

⁴³ Ключевский В. Боярская Дума древней Руси. Изд. 4-е, М., 1909, с. 7, БДП В 4398.

⁴⁴ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 256.

⁴⁵ Там же, с. 256—257.

⁴⁶ Там же, с. 260.

Содержание права всегда определяется классовыми экономическими интересами. Что касается формы права, то она связана также с характером общественного сознания исторического периода.

Касаясь истории права, Плеханов указывает, что следует отличать форму и содержание в праве. С формальной стороны право испытывает влияние разных идеологий. Это затрудняет открытие зависимости, существующей между правом и социально-экономическими отношениями.

В своих пометах и подчеркиваниях в книге Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» (СПб., 1908) Плеханов критикует позицию автора, который считает, что важным признаком русской интеллигенции является внеклассовость по своим задачам, целям и составу. На утверждение Иванова-Разумника о том, что интеллигенция боролась за права человека, Плеханов на полях стр. 27 делает замечание: «А разве права человека не были классовой идеологией?».

Среди учеников и последователей Маркса, писавших о морали, Плеханову принадлежит заслуга наиболее глубокого и всестороннего анализа проблемы морали как части надстройки. Логический анализ тесным образом связан у него с историческим подходом. Он исследовал этические воззрения французских материалистов, Канта, Фейербаха, Чернышевского, Л. Толстого и т. д. Им был привлечен большой конкретно-исторический и этнографический материал для обоснования марксистской позиции.

Плеханов рассматривает проблему морали в двух аспектах: 1) мораль как специфический вид социальных отношений, 2) мораль как форма общественного сознания.

Мораль или нравственность, как показывает Плеханов, возникает в обществе в качестве социального явления на основе существующих отношений между людьми. Она имела свои корни еще в практике первобытного общества. Мораль имеет социальный характер.

Читая книгу И. Диггена «Сущность головной работы человека», Плеханов солидаризируется с положением автора книги о том, что мораль является отражением общественных отношений людей. Он отмечает его положение: человек «нуждается для пополнения себя в другом человеке, в обществе и должен, следовательно, для того, чтобы жить, давать жить и другим. Отношения, возника-

ющие из этой потребности, являются тем, что обозначается одним словом: мораль». ⁴⁷

В основе морали лежат «внутренние» предписания таких человеческих общностей, как племя, народ, класс, человечество. Она первоначально была непосредственно связана с хозяйственным бытом охотничьих, скотоводческих и земледельческих родов, укрепляя существующие социальные отношения людей в те времена. «Нравственное развитие человечества, — писал Плеханов, — следует шаг за шагом за экономической необходимостью; оно точно приспособляется к реальным потребностям общества». ⁴⁸ Житейские правила становятся одним из средств регулирования несложных социальных отношений людей. Плеханов вслед за Марксом устанавливает, что на указанном общественном уровне функционируют простые правила нравственного поведения.

Плеханов подчеркивает, что мораль есть одновременно общественное отношение и общественная идея. Категории морали коренятся в социальных отношениях людей. В книге Альберта Леви «La Philosophie de Feuerbach» Плеханов отмечает следующее положение автора: «Совесть, которую теологи считают связующим звеном между богом и человеком и с которой моралисты продолжают советоваться, как с оракулом, имеет происхождение, которое легко объяснить: голос внутри нас есть не что иное, как эхо голосов, раздающихся снаружи. То есть мораль индивида, рассматриваемого изолированно, есть фикция: человек не является человеком вне общества». Плеханов на полях страницы пишет: «Совесть».

В своих произведениях Плеханов уделяет значительное внимание проблеме отношения морали и религии. Он прослеживает их историко-генетическую связь, подчеркивая, что мораль старше религии.

Но постепенно нравственные правила срастались с анимистическими представлениями людей, а затем и с возникшей религией. Плеханов, используя большой этнографический материал, показывает непосредственно практический смысл морали для человека на первых ступенях

социальной эволюции. В своих возражениях Папнекуку Плеханов писал: «На первых ступенях общественного развития нравственность существует совершенно независимо от веры в сверхъестественные существа». ⁵⁰ В статье «О так называемых религиозных исканиях в России» он отмечал, что «на самых ранних ступенях общественного развития нравственные понятия людей независимы от их веры в существование духов. Потом понятия эти мало-помалу очень крепко срастаются с представлениями о тех духах, которые играют роль богов. И тогда начинает казаться, что нравственность основывается на вере в существование богов и что с падением этой веры должна пасть и нравственность». ⁵¹ Плеханов как на пример последнего ссылается на убеждение Достоевского.

В своем «Ответе на анкету о будущем религии» Плеханов писал: «Связь между моралью и религией, казавшаяся неразрывной, осуждена на исчезновение в силу прогресса человеческого разума». ⁵²

Но нравственность прямо и непосредственно обуславливается экономическими бытовыми условиями жизни, главным образом, на ранних ступенях социальной эволюции. С возникновением классового общества и с усложнением общественных отношений ее связь с экономикой во-первых, затемняется и, во-вторых, на ее содержание оказывают влияние новые надстроечные элементы. Мораль приобретает новые социальные функции, возникшие в классовом обществе, приобретает классовый характер, утрачивает свою прежнюю всеобщность.

Плеханов подверг критике буржуазных социологов и ревизионистов за искажение взглядов Маркса на мораль. Он возражал против выведения всех понятий нравственности непосредственно из экономики, из экономических интересов и приписывания Марксу подобных воззрений.

Генетически мораль связана с экономическими отношениями людей в некоторых случаях непосредственно, в других случаях опосредованно через ряд социальных и идеологических звеньев. Она сама представляет определенный вид социально-идеологических отношений. Нрав-

⁴⁷ Дидген И. Сущность головной работы человека. Пер. с нем. М., 1907, с. 94. БДП Б.3652.

⁴⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 51.

⁴⁹ Levy A. La Philosophie de Feuerbach. Paris, 1904, p. 180, БДП Б.3340.

⁵⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III, с. 102.

⁵¹ Там же, с. 408.

⁵² Там же, с. 105.

ственность обуславливается социальными условиями существования людей, а также их идеологическими убеждениями.

Многое сделано Плехановым в анализе внутренней связи морали с искусством. Он подчеркивает нерасторжимость этой связи. Художник воспроизводит явления или события действительности в свете тех или иных своих этических понятий и чувств. Этическими понятиями он наделяет и свои художественные образы. В идейном содержании произведений искусства мораль занимает весьма важное место. Развитие искусства сопровождается в своем содержании изменением этических воззрений, воздействием на искусство. Без этического момента искусство не может быть живым, воздействовать на людей своими воспитательными средствами. В свою очередь мораль в искусстве, в литературе приобретает величайшее средство воздействия на народные массы.

Касаясь общественного исторического развития прошлого, Плеханов писал: «Но действительное общество никогда не бывает односоставным: одной его части (группе, сословию, классу) свойственны бывают одни взгляды, другой — другие. И когда возникают в нем такие группы, нравственные понятия которых уже не сочетаются с верой в существование духов, тогда напрасно другие группы, сохранившие в этом отношении старые умственные привычки, обвиняют их в безнравственности. В лице этих групп общество впервые дорастает до таких нравственных понятий, которые умеют держаться на своих собственных ногах и не нуждаются ни в каких посторонних подпорках».⁵³

Ссылаясь на Энгельса, Плеханов говорит, что с рабочим классом приходит новая «нравственность — нравственность революционной борьбы». Он требует исторического подхода к объяснению нравственности, к ее понятиям и убеждениям. Социальная нравственность отражает интересы и убеждения социальных общностей. Говоря о принципиально неправильном подходе Канта к нравственности как к способности личного желания счастья, Плеханов подчеркивает, что «на самом деле в основе нравственности лежит стремление не к *личному счастью*, а к *счастью целого*: племени, народа, класса, челове-

ства».⁵⁴ Здесь Плеханов подчеркивает объективную основу социальной морали.

Анализируя соотношение личного и общесоциального в нравственности, Плеханов указывает, что хотя и в том и в другом случае лежит интерес индивида и целого, но в сознании и убеждении вовсе не исключается бескорыстие и героизм личности и той или иной социальной общности. Плеханов обращает внимание на социальный интерес, который в значительной мере объясняет бескорыстие, героические поступки людей. «Диалектика исторического движения, — пишет Плеханов, — приводит не только к тому, что „мудрость становится безумством, благо — злом“, но также и к тому, что *корыстные* интересы общества или класса часто превращаются в сердцах индивидов в движения, полные *бескорыстия* и героизма. Тайна этого превращения находится во влиянии социальной среды».⁵⁵

Плеханов не соглашается с теми, кто считает, что основным мотивом поведения человека является лишь эгоизм, расчетливость. В своем критическом анализе взглядов французских материалистов на мораль он вскрывает их ошибочный подход в решении проблемы соотношения личного эгоизма и общего блага. Не соглашаясь с расуждениями Чернышевского относительно мотивов самодушества Лукреции, Плеханов замечает: «Кто видит в исторической деятельности людей лишь влияние сознательного расчета, тот еще далек от понимания всей силы и значения экономии. В действительности ее влияние распространяется даже на такие поступки людей и на такие привычки различных общественных классов, по поводу которых нельзя и заикаться о сознательном расчете».⁵⁶

Социальная среда и интересы класса определяют содержание нравственных отношений понятий и чувств. Они в конечном счете обуславливают линию нравственного поведения индивидов. Нравственность того или иного класса выступает средством самосохранения и развития экономической и духовной основы своего существования и развития.

Плеханов большое внимание уделяет вопросу связи морали с политикой. Он отмечает, что ее предписания ко-

⁵⁴ Там же, т. I, с. 493.

⁵⁵ Там же, т. II, с. 51.

⁵⁶ Там же. Т. IV. М., 1958, с. 90.

⁵³ Там же, с. 409.

релятся в почве политики. Этика зависит от политики классов, хотя эта зависимость часто имеет не непосредственный характер. Связь морали со своим экономическим основанием, как и с различными надстроечными явлениями, осуществляется нередко через политику.

Мораль господствующего класса в антагонистическом обществе имеет, замечает Плеханов, дополнительную социальную функцию — держать в повиновении угнетенные классы. Господствующий класс стремится привить угнетенным угодные ему нравственные понятия. Одним из важнейших средств достижения этой цели являлась религиозная нравственность. В этических воззрениях Плеханова большое место занимает анализ соотношения религии и нравственности. Плеханов показывает, что религия не создает нравственности, которая имеет свои социальные корни, свою социальную основу в обществе. Большой интерес представляют критические работы Плеханова, в которых рассматривается религиозная мораль Л. Н. Толстого, а также мистические взгляды Мережковского, Гиппиус, Минского и других, согласно которым религия образует естественную основу общественной морали. Богоскательские и богостроительские идеи подверглись Плехановым общественно-широкой и глубокой критике.

Плеханов уделял большое внимание анализу социально-этической структуры буржуазного общества. Мораль буржуазии, будучи по содержанию и существу классовой, выступает в качестве всеобщей, общечеловеческой, навязываемой угнетенным классам. Классовые моральные понятия господствующего класса выдаются за общечеловеческие, чему в сильнейшей степени способствует религия.

Анализируя мораль буржуазного общества, Плеханов вскрывает внутренние противоречия ее: противоречия между провозглашенными нравственными идеями и действительными моральными отношениями и постулатами, которыми руководствуются буржуа в своей практической жизни. Эта двойственность связана с социальным лицемерием.

Мораль буржуазии претерпевает историческую эволюцию, ее моральные правила так или иначе изменяются. В период борьбы буржуазии против феодализма она была «передовым общественным классом, воевала с безнрав-

ственной аристократией и тем же самым научалась ценить нравственность и дорожить ею. А теперь она сама представляет собою господствующий класс, теперь она идет *вниз*, теперь в ее собственные ряды все более и более проникает испорченность, теперь война всех против всех все более и более становится *conditio sine qua non* ее существования...».⁵⁷

Внутри современного капиталистического общества возникают различные буржуазные теории морали, авторы и сторонники которых не всегда даже скрывают их классовый характер, субъективистский подход к нравственным понятиям. «*Нравственный солипсизм* — вот те два слова, — писал Плеханов, — которыми лучше всего характеризуется настроение наиболее типичных представителей современной буржуазии. Нет ничего удивительного в том, что на почве подобного настроения возникают системы, которые не признают ничего, кроме субъективных „переживаний“».⁵⁸

Появляются откровенные идеологи буржуазии вроде Ницше, которые отбрасывают лицемерие своего класса, становясь на позиции аморализма. Плеханов наряду с Ф. Мерингом разоблачает социальную основу ницшеанского аморализма, выросшего на почве нравственного солипсизма, его антисоциалистическую направленность.

Но Плеханов отмечает, что буржуа не всегда стремится к тому, чтобы его поведение, нравственная практика нашли свое теоретическое выражение. Это происходит потому, «что *безнравственная практика* далеко не всегда нуждается в *безнравственной теории*. Напротив, безнравственная теория нередко может явиться помехой для безнравственной практики. Вот почему люди, безнравственные на практике, часто любят нравственную теорию».⁵⁹

В системе взглядов Плеханова на мораль значительное место уделено вопросам новой пролетарской морали, которая зреет уже в недрах капитализма. Она связана с борьбой рабочего класса против всех основ буржуазного общества. Задача новой морали при социализме будет заключаться в укреплении и развитии новых социальных

⁵⁷ Там же, т. III, с. 410—411.

⁵⁸ Там же, с. 223.

⁵⁹ Там же, с. 410.

отношений. В социалистическом обществе «... добрыми будут считаться те поступки отдельных лиц, которые совпадают с интересами целого, а дурными те, которые противоречат этим интересам... Общество стремится воспитать отдельных своих членов так, чтобы они ставили общественный интерес выше своего частного; чем более поступки данной личности будут *удовлетворять* этому требованию общества, тем самоотверженнее, нравственнее, альтруистичнее будет эта личность. А чем более ее поступки будут *нарушать* это требование, тем более своекорыстной, безнравственной, эгоистичной она окажется».⁶⁰

Новая мораль должна отвечать интересам воспитания человека в духе правильно понятых общественных интересов, социалистического идеала. «Воспитание человека в духе нравственности состоит именно в том, что поступки, полезные обществу, становятся для него инстинктивной потребностью («категорический императив» Канта). И чем сильнее эта потребность, тем нравственнее отдельное лицо».⁶¹

Итак, большой исторической заслугой Плеханова является выяснение роли морали как вида социальных отношений и как идеологической надстройки в обществе и ее значения среди различных компонентов этой надстройки. А в связи с этим он дал аргументированную критику «этического социализма» Г. Когена, К. Форлендера, Э. Бернштейна и др.

Теоретический анализ Плехановым религии как одной из надстроек в обществе заслуживает большого внимания. Плеханов, читая «Капитал» Маркса, обращает внимание на методологию марксизма в рассмотрении религии и ее сущности. Он отмечает следующие слова Маркса: «Даже всякая история религии, не обращающая достаточно внимания на этот материальный базис, лишена критического основания. Конечно, гораздо легче отыскать земное начало посредством анализа религиозных облачных представлений, чем следовать обратному пути, т. е. из действительных жизненных отношений, существующих в том или другом случае, развить соответствующие им небесные

формы. Последний метод есть единственный материалистический, а поэтому единственный научный метод».⁶²

Плеханов не только глубоко истолковывает положение Маркса и Энгельса, относящиеся к вопросам происхождения и сущности религии, но выдвигает новые вопросы, конкретизирует отдельные стороны марксистского решения, опираясь на некоторые новые этнографические и исторические материалы, а также на социологические исследования. Читая книгу Г. Спенсера «Основания социологии», Плеханов, например, обращает внимание на его вывод о возникновении у человека религиозных представлений. Спенсер пишет: «Итак, исследование не только не подтверждает справедливости утверждения, будто бы те идеи о божестве, которые существуют у образованных людей, врождены человеку, но оно доказывает, напротив, что эти идеи появляются только на сравнительно высокой ступени развития, как результат накопления знаний, большей умственной широты и более высокого чувства».⁶³

Плеханов широко, всесторонне определяет религию, подчеркивая основные ее черты. «Религию, — отмечает он, — можно определить как *более или менее стройную систему представлений, настроений и действий*. Представления образуют *мифологический элемент* религии; настроения относятся к области *религиозного чувства*, а действия — к области *религиозного поклонения*, или, как говорят иначе, *культы*».⁶⁴

Таким образом, Плеханов не сводит религию только к идеологической области, он отмечает ее психологический аспект, а также организационное оформление действий верующих — культ.

Плеханов, анализируя общественные условия существования первобытного общества, приходил к заключению, что первобытная религиозная мысль заключает в себе два элемента: элемент миропонимания и элемент общественно-нравственный. Первоначально нравственность существует независимо от анимистических представлений. Главная отличительная черта первобытного миросозерца-

⁶⁰ Там же, т. IV, с. 259.

⁶¹ Там же.

⁶² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. СПб., 1872, с. 328 (Архив Дома Плеханова, А.1383).

⁶³ Спенсер Г. Основания социологии. Т. I. СПб., 1876, с. 441.

⁶⁴ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III, с. 330.

ния «состоит в том, что человек, его держащийся, олицетворяет явления природы. Все эти явления представляются первобытному человеку действиями особых существ, имеющих, подобно ему, сознание, потребности, страсти, желание и волю».⁶⁵

В статье «О так называемых религиозных исканиях в России» Плеханов считает вслед за М. Гюйо, что «очень возможно, даже вероятно, что анимизм не был самым первым шагом в развитии человеческих представлений о мире».⁶⁶ Гюйо выдвинул концепцию, согласно которой первобытный человек верит в самостоятельность душ, духов, способных покидать свое жилище — тело. Плеханов замечает, что «если это так, то анимизм надо считать вторым шагом в развитии указанных представлений».⁶⁷

Он возражает против утверждения Богданова о связи между анимистическим дуализмом и авторитарными общественными формами, отношениями организаторов и организуемых, высших и низших. «Чтобы понять, — пишет Плеханов, — как произошел анимизм, нет никакой надобности апеллировать к авторитарной организации производства, совсем не существующей на первой стадии общественного развития».⁶⁸ Позже возникшая авторитарная организация начинает оказывать значительное влияние на религиозную мысль. Развитие религии с разделением общества на классы происходит под сильнейшим влиянием межклассовых отношений.

Плеханов анализирует основные черты первобытной религиозной мысли, связи ее с магией, тотемизмом, мифологией. Им подчеркивается зависимость ее от жизненной практики. Например, он говорит, что «характер первобытной космогонии вообще определяется характером первобытной техники».⁶⁹

В процессе исторического развития, указывает Плеханов, возникает религиозный культ. Создание культа вызывается «не взаимными отношениями людей, а отношениями людей к богам или к богу. Совокупность этих действий и называется, собственно, *культом*».⁷⁰ Как опре-

деленная общественная система религия существует в обществе, расколотом на классы. Религия в любой форме сохраняет анимизм. Плеханов замечает, что он считает себя вправе утверждать, что всякая попытка устранить элемент анимизма из религии обречена на неудачу.

Анимистический элемент, входящий в содержание религии, в конечном счете порождает связь между религией и философией в антагонистическом обществе. Читая книгу Ch. Adam «La Philosophie en France», Плеханов отмечает следующее положение автора: «Что особенно стремится найти в философии, так это религию. Те же самые вопросы, которые ставит маленькая книжка катехизиса, должна поднять и новая доктрина, чтобы дать другие, такие же определенные ответы». Плеханов на полях книги пишет: «Н. В. Крайне важно о философии в ее отношении к религии».⁷¹

Большое внимание Плеханов уделяет вопросу сращения религии с моралью. Это происходит еще на известной стадии развития анимистических представлений. «Религия не создает нравственности. Она только освящает ее правила, вырастающие на почве данного общественного строя».⁷² Нравственные понятия на определенной стадии культурного развития человечества срастаются крепко с представлениями о духах, которые играют роль богов. «И тогда начинает казаться, что нравственность основывается на вере в существование богов и что с падением веры должна пасть и нравственность».⁷³

Плеханов показывает, что религия в условиях классового общества не только подчинила себе мораль, но она стремилась на всех этапах его развития подчинить своему влиянию все идеологические надстройки — философию, искусство и прочее и вторгается в область общественной психологии. Религия становится реакционным средством укрепления антагонистических отношений в обществе.

В своем анализе происхождения и сущности религии Плеханов обращает внимание на то, что марксизм исходит из всесторонней оценки общественных отношений и практики человека на определенных исторических этапах

⁶⁵ Там же, с. 331.

⁶⁶ Там же, с. 334.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 340.

⁶⁹ Там же, с. 343.

⁷⁰ Там же, с. 362.

⁷¹ Adam Ch. La Philosophie en France. Paris, 1894, p. 260. БДП Б.3005.

⁷² Плеханов Г. В. Избр. филос. прозв., т. III, с. 362.

⁷³ Там же, с. 408.

его развития. Он опровергает утверждения об одностороннем подходе марксизма к проблемам религии. Масарик в книге «Философские и социологические основания марксизма» на стр. 127 писал, что для марксизма «религия есть только маска экономических отношений». Плеханов на полях книги отмечает: «Энгельс этого не утверждал. См. Фейербаха».⁷⁴ Аналогичные обвинения в адрес марксизма Плеханов опровергает, читая статью В. А. Гольцева «Об экономическом материализме» в журнале «Русская мысль» и др.

Плеханов посвятил немало своих произведений критике религии в современных условиях, когда она стала использоваться в различных формах для сохранения существующих антагонистических отношений буржуазного общества. Особое внимание, как отмечалось выше, он уделил критике религиозной нравственности Л. Н. Толстого, богостроительству Мережковского, Минского и др., богоискательству, а также взглядам ревизионистов на религию. Касаясь богостроительства, Плеханов, подводя итоги пишет о социальной основе этого явления в России после поражения революции 1905 г.: «Теперь мы достаточно знаем психологию „богостроителей“ декадентского пошиба для того, чтобы окончательно выяснить себе, до какой степени немисливо сочувствие освободительному движению рабочего класса со стороны этих господ. В психологии голодного пролетария они видят лишь мещанство. Я уж сказал, что это объясняется прежде всего их непобедимым, хотя и бессознательным сочувствием к тому „мещанскому“ экономическому порядку, который услужливо освобождал их от докучной необходимости жить трудам рук своих. В их презрении к „мещанству“ голодного пролетария обнаруживается мещанство — истинное, неподдельное мещанство! — сытого буржуа».⁷⁵

Среди учеников и последователей Маркса и Энгельса Плеханов глубоко поставил вопрос о религии, ее генезисе и сущности и как одной из идеологических надстроек в ее взаимодействии с другими надстройками.

В своих пометах на предисловие Овсяннико-Куликовского к книге М. Гюйо «Безверие будущего» Плеханов

знаками вопросительным и восклицательным отвергает утверждение автора предисловия о том, что «религиозные вопросы принадлежат к числу вечных, как и вопросы моральные и метафизические» и что «человечество никогда не откажется от ценностей религиозных».⁷⁶ Но при всей значительности анализа гносеологического аспекта религиозного мировоззрения Плеханов недостаточно останавливается на социально-политической сущности религии и на ее роли в классовой борьбе. Эту, как и философскую сторону, глубоко исследовал В. И. Ленин.

Касаясь таких идеологических форм как наука, философия и искусство, Плеханов разрабатывает вопрос об их генетической зависимости от экономики. «В развитии этих идеологий, — замечает он, — экономия является основной в том смысле, что общество должно достигнуть известной степени благосостояния для того, чтобы выделить из себя известный слой людей, посвящающих свои силы исключительно научным и прочим подобным занятиям».⁷⁷ Эта генетическая связь имеет специфический характер. И в дальнейшем лишь в конечном счете направление и характер этих идеологических форм определяется развитием производства в обществе.

Говоря о связи науки с экономикой, Плеханов отмечает, что при изучении этого вопроса следует иметь в виду различные формы этой связи. Более непосредственная зависимость развития науки от развития способа производства относится к таким общественным наукам, как политическая экономия, как различные политические теории. «Различные отношения в производстве, — пишет Плеханов, — создают различные взгляды в науке. Мало этого. Сравните взгляды Рикардо со взглядами какого-нибудь Бастиа, и вы увидите, что эти люди различно смотрят на отношения производства, оставшиеся по своему общему характеру неизменными, — на буржуазные отношения производства. Почему это? Потому, что в эпоху Рикардо эти отношения только еще расцветали, только еще упрочивались, а во время Бастиа они уже начали клониться к упадку. Различные состояния тех же самых отношений производства необходимо должны были

⁷⁴ Масарик Т. Философские и социологические основания марксизма. М., 1900, с. 127. БДП А.1395.

⁷⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III, с. 433.

⁷⁶ Гюйо М. Безверие будущего (социологическое исследование). СПб., 1908, с. VII, БДП Б.3650.

⁷⁷ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 648.

отразиться на взглядах тех людей, которые их защищали».⁷⁸

Анализируя зависимость политических наук от экономики, Плеханов отмечал, что отношения классов «находят свое выражение в политической организации общества и в политической борьбе разных классов, а эта борьба служит толчком для возникновения и развития различных *политических теорий*: на экономической основе необходимо возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка».⁷⁹

Касаясь общественной науки, Плеханов подчеркивал классовую позицию ее представителей. В письме Н. М. Рейхсбергу 15 мая 1912 г. он писал: «Огромное большинство нынешних представителей общественной науки держится классовой точки зрения отчасти неумышленно, а отчасти вполне сознательно защищая интересы буржуазии. Тем более отрадное впечатление производят те немногие представители этой науки, которые, понимая неизбежность классовой точки зрения даже в научных исследованиях, поскольку они касаются общественной жизни, дорожат интересами эксплуатируемых, а не интересами эксплуататоров».⁸⁰

Проблема классовости в философии имеет более сложный характер, чем в других областях общественного сознания. Вместе с тем следует заметить, что Плеханов со всей четкостью подчеркивал, что философия со времен марксизма стала трудами Маркса и Энгельса наукой. «Философия уже не стоит *вне* науки, как она не стоит *над* ней; она отождествляется с наукой, она растворяется в ней».⁸¹ Ее отличие от науки заключается в ее мировоззренческой функции. Именно последнее и определяет ее классовую характеристику.

Для того чтобы исследовать условия и причины возникновения, развития и преобладания в те или иные исторические эпохи философских учений, характер разработки ими теоретических проблем, необходимо иметь в виду следующие факторы: 1) зависимость от интересов классов и социальных групп, 2) зависимость от уровня раз-

вития промышленности, 3) зависимость от степени развития естествознания и 4) зависимость от мыслительного материала прошлого.

Само собой разумеется, указанные факторы нельзя поставить в один ряд как по значению, так и степени их влияния на развитие того или иного философского учения. Но вместе с тем их необходимо обязательно учитывать. Конечно, первый фактор находит свое преломление во всех остальных факторах. Он так или иначе детерминирует в основном направление их влияния.

В книге Г. Лагарделля «Революционный синдикализм» Плеханов подчеркивает то место на стр. 28, где указывается, что ошибка большинства мыслителей состоит в том, что они считают себя выше социальных конфликтов и классовых отношений в обществе. «Они преспокойно воображают, что их бескорыстная мысль может достигнуть познания абсолютной истины и что, открыв последнюю, им затем только останется предложить ее миру. Но мысль эта носит такие явные следы условий жизни самого мыслителя, что даже сквозь самые неожиданные его построения проглядывает действительное положение вещей, стремления, свойственные тому или другому классу, чувства, исходящие из такой-то и такой-то среды».⁸² Плеханов подчеркивает на полях книги: «заметить».

Философия в своем развитии имеет относительную самостоятельность, что делает, замечает Плеханов, более сложным анализ классового характера философских учений. Было бы глубоко ошибочным выводить особенности теоретического содержания учения, в частности категорий философского учения, непосредственно из существующих социально-экономических отношений. Различие философских систем при наличии общего социально-экономического базиса обуславливается рядом причин. Но в конечном счете причины того или иного направления философской мысли необходимо искать в существовании социально-экономических и политических отношений эпохи, интересов того или иного класса. Это тем более относится к искусству и литературе.

Подвергая критическому рассмотрению позиции Брюнэттера, Плеханов указывает: «Там, где Брюнэттер видит

⁷⁸ Там же, с. 649.

⁷⁹ Там же, с. 650.

⁸⁰ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. I, с. 25.

⁸¹ Там же, т. III, с. 48.

⁸² Лагарделль Г. Революционный синдикализм. СПб., 1906, с. 28. БДП А.1377.

лишь влияние одних литературных произведений на другие, мы видим, кроме того, глубже лежащие взаимные влияния общественных групп, слоев и классов; там, где он просто говорит: явилось противоречие, людям захотелось сделать обратное тому, что делали их предшественники, — мы прибавляем: а захотелось потому, что явилось новое противоречие в их *фактических отношениях*, что выдвинулся новый общественный слой или класс, который уже не может жить так, как жили люди старого времени».⁸³

Каждый класс избирательно относится к тем или иным идеям. «Конечно, — пишет Плеханов, — ни один класс не станет увлекаться такими идеями, которые противостоят его стремлениям. Каждый класс всегда прекрасно, хотя и бессознательно, приспосабливает к своим экономическим нуждам свои „идеалы“. Но это приспособление может произойти различным образом, и почему оно совершается так, а не иначе, это объясняется не положением данного класса, взятого в отдельности, а всеми частностями отношения этого класса к его антагонисту (или к его антагонистам). С появлением классов *противоречие* становится не только *двигающим*, но и *формирующим* началом».⁸⁴

Плеханов к анализу идеологии и психологии подходит с классовых позиций. Это одно из важнейших достоинств его произведений. Он подверг глубокой критике буржуазный объективизм, классовую фальшь и лицемерие идеологов буржуазии по мере усиления антагонистической классовой борьбы в современном обществе. Морис Кавейн в статье «Георгий Плеханов — воинствующий философ» в журнале «La Pensée» справедливо отмечает: «Плеханов разбирался в социальной базе, в базе классовой философской борьбы. Он говорил, что чем больше развиваются социальные антагонизмы, тем сильнее идеология доминирующего класса пронизывается фальшью. И чем больше звучит призыв разоблачать лживую природу этой идеологии, тем более возвышенным и добродетельным становится язык этого класса».⁸⁵

Г. В. Плеханов, следуя традиции марксизма, при решении теоретических проблем исходил из классовости, партийности как решающего методологического принципа марксизма. Он писал, что «... классовая борьба играет большую роль в истории идеологий. И действительно, эта роль столь важна, что за исключением первобытных обществ, в которых не существует классов, невозможно понять историю направления вкуса и идей какого-нибудь общества без ознакомления с классовой борьбой, разыгрывающейся внутри его».⁸⁶

Это относится и к науке. Касаясь позиции Бернштейна по вопросу о «партийности науки», Плеханов замечает: «„*Партийная наука*“, строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование „*ученых*“, *проникнутых духом партий и классовым эгоизмом*».⁸⁷ Именно на этой почве ими и искажаются решения (Ю. Вольф, Шульце-Геверниц и др.).

Критикуя позицию буржуазных теоретиков и ревизионистов, утверждавших, что наука одна и не может быть буржуазной политической экономии, как и не существует социалистической математики, Плеханов исключительно глубоко обосновал марксистский принцип партийности по отношению к социальной науке. Вывод ревизионистов, писал Плеханов, основывается на смешении понятий.⁸⁸ «Математика не может быть ни социалистической, ни буржуазной — это верно; но что верно в применении к математике, то ошибочно в применении к общественной науке... Предметом социологического исследования является *общество*, а общество *развивается* и, следовательно, *изменяется*. Вот этим-то *изменением*, этим *развитием* и создается возможность *буржуазной общественной науки*, равно как и *научного социализма*. Общество проходит в своем развитии *известные фазы*, которым *соответствуют*

⁸⁶ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 174.

⁸⁷ Там же, с. 397.

⁸⁸ Бернштейн заявлял, что нельзя ставить вопрос о партийности общественной науки. «Вообще, — утверждал он, — слово „буржуазный“ уместно в качестве признака для научной работы только там, где речь идет о тенденциозности. Там же, где имеет место объективное констатирование, а этим занимается пять шестых авторов экономической литературы, там оно вообще ничего не говорит» (Bernstein E. Klassenkampf-Dogma und Klassenkampf-Wirklichkeit. — Neue Zeit, 1899, XVIII, Bd. II, s. 622).

⁸³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 665.

⁸⁴ Там же, с. 666.

⁸⁵ C aveing M. George Plekhanov philosopher militant. — La Pensée, 1958, № 79, p. 48.

фазы развития общественной науки». ⁸⁹ Партийность социальной науки имеет объективную основу в развитии антагонистического общества, расколотого на противоположные классы.

Касаясь проблемы политической экономии, Плеханов указывал, что ученые представители буржуазии в этой области давно утратили всякую способность к объективному научному исследованию общественных проблем. «Из мирных и объективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинственных охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки». ⁹⁰

Буржуазные социологи обычно утверждают, что классовая, партийная позиция Плеханова мешала ему в объективных исканиях истины. Так, например, Бэрн в статье «Plekhanov's Russia: The impact of the West upon an „Oriental“ Society», писал, что недостаток в исследованиях Плеханова связан с тем, что он пытается соединить беспристрастность ученого с революционной идеологией. ⁹¹

Плеханов в исследовании философских концепций выдвигал всегда двуединую задачу: анализ теоретической и социальной, классовой сторон. «Кто хочет, — писал он, — уничтожить этого философа во мнении мыслящих людей, тот должен опровергнуть теоретическую часть его учения. Только после опровержения этой части он имеет право указать на то практическое стремление или на то влияние общественной среды, которое побудило мыслителя исказить истину или помешало ему додуматься до нее. При соблюдении этого условия указания на политические симпатии мыслителя (реакционер, прогрессист и т. д.) будут содействовать выяснению генезиса (происхождения) его заблуждений». ⁹²

Плеханову из всех учеников Маркса и Энгельса принадлежит наибольшая заслуга разработки общей марксистской теории искусства. Даже Ф. Меринг, занимавшийся много вопросами анализа литературных произведений под углом зрения исторического материализма и затро-

нувший некоторые общие проблемы искусства, значительно уступает Плеханову в решении методологических и теоретических вопросов искусства и литературы. Плеханов стал виднейшим представителем марксизма в области эстетики и литературной критики, последовательным поборником художественного реализма. Перед ним встала задача построения теории искусства, элементы которой широко отражены в его произведениях, посвященных вопросам искусства и литературной критики. Первая попытка литературной критики и подхода к некоторым общим эстетическим категориям в связи с проблемами общественной жизни предпринята была Плехановым еще в 1888 г. в его исследовании творчества Глеба Успенского, а затем других писателей-народников: Каролина (1890) и Наумова (1897).

В своей разработке проблемы материалистического истолкования развития искусства в обществе Плеханов опирался на прогрессивные положения Гегеля, Белинского, Чернышевского, Тэна. Он много работал над «Эстетикой» Гегеля, испытал благотворное влияние ее позитивных сторон. Наряду с конспектированием этого труда, он делает ряд выписок из книги К. Фишера о Гегеле, подчеркивая наиболее важные для себя места. Так, например, в Записной тетради (№ 184) мы находим при выписках ряд его замечаний (на с. 76 — «определение искусства очень важно: развить», «важные замечания о колорите» и т. д.). Читая «Эстетику» Гегеля, Плеханов отмечает его взгляд на отношение искусства к общественной жизни, глубокие положения о соотношении содержания и формы. ⁹³ Он выписывает высказывания Гегеля о возвышенном, трагическом, комическом, юморе, об архитектуре и т. д. ⁹⁴

Критикуя отрицательные стороны эстетики Гегеля, Плеханов творчески на базе марксизма переработал ее реалистические компоненты. Прежде всего это относится к использованию им принципа диалектики в содержании материалистической эстетики. Вслед за Марксом и Энгельсом он применил его к эстетике, выступив против как натуралистического, так и идеалистического истолкования содержания эстетики. В своем критическом обозрении

⁸⁹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III, с. 53.

⁹⁰ Там же, т. I, с. 88.

⁹¹ Journal of the History of Ideas, v. XIX, № 3, p. 404.

⁹² Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. V, М., 1938, с. 173.

⁹³ Архив Дома Плеханова, инв. № 5439, тетр. I, с. 53—54.

⁹⁴ Там же, тетр. 66, с. 61.

метафизических эстетических концепций в статьях «Письма без адреса», «Искусство и общественная жизнь» Плеханов обосновал новый подход к предмету и содержанию категорий эстетики, ссылаясь при этом на те реалистические элементы, которые имеются в эстетике Гегеля. «И точно так же, как в „Philosophie der Geschichte“, Гегель и в „Эстетике“ временами сам покидает свое идеалистическое царство теней для того, чтобы подышать свежим воздухом житейской действительности. И замечательно, что грудь старика дышит в этих случаях так хорошо, как будто она никогда и не вдыхала другого воздуха. Напомним его рассуждения о голландской живописи».⁹⁵

Большое влияние на эстетические воззрения Плеханова оказал Белинский, его «эстетический кодекс». Штудировав сочинения Белинского, Плеханов делает многочисленные замечания, пометы и подчеркивания, в которых обозначается его согласие с автором, а в некоторых случаях — критика.

Плеханов стремился подвести научные основания под теорию искусства и литературную критику. Эти основания он видел в тех решениях, которые выдвигал исторический материализм. «Я глубоко убежден, — говорил он, — что отныне критика (точнее, научная теория эстетики) в состоянии будет подвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание истории».⁹⁶ В объективности, в правде жизни Плеханов усматривал суть художественного реализма. С позиций марксистской социологии он вскрывает источники происхождения искусства и его социальную обусловленность. Вопреки утверждению некоторых авторов работ о взглядах Плеханова в области эстетики и искусства, он правильно решал вопрос о роли природы человека и общественного бытия в создании у человека эстетических вкусов. «Природа человека, — писал он, — делает то, что у него могут быть эстетические вкусы и понятия. *Окружающие его условия* определяют собой переход этой возможности в действительность; ими объясняется то, что данный общественный человек (т. е. данное общество, данный народ, данный класс) имеет именно эти эстетические вкусы и понятия, а не другие».⁹⁷

⁹⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. V, с. 173.

⁹⁶ Там же, с. 312.

⁹⁷ Там же, с. 294.

Плеханову принадлежит заслуга научного обоснования вопроса о роли труда в искусстве первобытного общества, а в дальнейшем различных социальных факторов, обусловивших специфический характер развития искусства и его разных форм. Он раскрывает значение народа в развитии искусства, выступая против тех теоретиков искусства, которые выводят искусство только из деятельности личности, противостоящей массе. Рождение искусства Плеханов связывает с производственной и социальной деятельностью людей первобытного общества. Он опровергает взгляд В. Виндельбанда, согласно которому искусство с самого начала свойственно личности и противоположно толпе. Плеханов против положения Виндельбанда в книге «Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия» на стр. 143 («Ведь оно по своей глубочайшей сущности меньше всего подходит к толпе: оно — естественное убежище личности») пишет: «Исторически это неверно».⁹⁸

Весьма глубоко Плеханов обосновывает значение классовой борьбы в эволюции искусства и литературы, отмечая специфический характер этого влияния в различные исторические антагонистические эпохи. «В цивилизованном обществе, — писал Плеханов, — эволюция изящных искусств определяется борьбой классов».⁹⁹

В своем глубоком теоретическом анализе Плеханов вскрывает внешние, объективные и внутренние, субъективные закономерности развития искусства. Определение зависимости искусства и литературы от общественной жизни, ее социально-классовых условий, указывал Плеханов, одновременно предполагает обязательно анализ их эстетического содержания. Анализ «социологического эквивалента», по мнению Плеханова, сопровождается исследованием степени художественности произведения. И в том и другом случае реалистическое искусство связано с правдой жизни, с совокупностью социальных, политических и идеологических условий, в которых оно возникает.

Плеханов в своей критике односторонности анализа художественных произведений выступает против сведения его к вульгарному социологическому обобщению с уте-

⁹⁸ Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М., 1910, с. 143, БДП Б.3639.

⁹⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. III, М., 1936, с. 179.

рей исследования эстетических достоинств художественного произведения и против забвения их при анализе «социологического эквивалента». И в том и другом случае исчезает реалистический подход к искусству. Эта методология характерна для Плеханова с первых же его очерков о литературе авторов-народников. Художественное произведение, заявляет он, представляет собой непосредственное восприятие истины через образы людей; оно не требует внешних назиданий и доказательств с помощью силлогизмов. Моральная и философская сторона жизни проявляется в характере действия изображаемых людей.

В этом отношении анализ Плехановым произведений беллетриста-народника Наумова весьма характерен. Он усматривает принципиальный недостаток писателя в том, что последний не достигает силами художественного изображения раскрытия действительных отношений и идей своих героев. Наумов, пишет Плеханов, «не культивировал своего художественного таланта, лишь изредка позволяя ему развернуться во всю силу, чаще же всего сознательно жертвуя им ради известных публицистических целей. Это очень вредило таланту, но нисколько не мешало практическому действию сочинений».¹⁰⁰ Поэтому, добавляет Плеханов, в отличие от Златовратского, в чьих произведениях действующие лица являются живыми людьми, люди у Наумова становятся «антропоморфными отвлеченностями».¹⁰¹

Таким образом, подход Плеханова к искусству характеризуется синтезом социологического и эстетического анализа, что им было воспринято еще от Белинского, Чернышевского, Добролюбова. В своих произведениях он диалектически раскрывает эти две стороны. У него нет односторонности решения этой проблемы.

Вот почему совершенно неправ Бэрн в своей трактовке анализа художественных произведений у Плеханова, именно решения им взаимной связи двух сторон художественного творчества. Он утверждает, что метод Плеханова привел его к «унылым результатам вследствие того, что тот заключил искусство в прокрустово ложе марксистского понимания исторического процесса и классов

вой борьбы, соответствующей последовательным фазам развития общества».¹⁰² Правда, Бэрн делает реверанс в сторону Плеханова, говоря, что ему удалось в своих отдельных суждениях дать интересный и даже глубокий анализ художественных и литературных произведений. Однако в целом «он не мог разделить свои эстетические и социальные оценки. Они постоянно идут вместе, переплетаясь, и всегда получается один результат — подчинение эстетического суждения политическому».¹⁰³

Одной из генеральных идей Плеханова является идея неотделимости достижений восприятий искусства от общественной жизни, от социальных идей и движений. Поэтому в основе его суждений об искусстве лежит классовый принцип. Искусство удалено от политики, но всегда через посредствующие звенья связано с ним. В годы же революции эта связь становится до конца осязаемой. Искусство становится на службу революции. «А что касается французского искусства эпохи революции, то „санкюлоты“ и вывели его на такой путь, по какому не умело ходить искусство высших классов: оно становилось все-народным делом».¹⁰⁴

Анализируя искусство и закономерности его развития в классовом обществе, Плеханов отмечал, что «эволюция изящных искусств определяется борьбой классов».¹⁰⁵ В своей критике взглядов А. Л. Волынского он подчеркивает необходимость публицистического, партийного подхода к художественному творчеству. «О научной критике, — писал он, — можно сказать, что она тем ярче отпечатывает общественное зло, чем объективнее ее анализ, т. е. чем ярче и реальнее она это зло изображает.

Внушать критике: ты не должна ударяться в публицистику, — так же бесполезно, как и разглагольствовать о „вечных“ законах искусства... Разве нет публицистического элемента в картинах Давида или в так называемой мещанской драме? Есть; его даже, если вам угодно, слишком много».¹⁰⁶ Искусство «века Людовика XIV», по мнению Плеханова, например, отражает определенную

¹⁰⁰ Bérn S. Plekhanov the Father of Russian marxism, p. 314.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. I. М., 1958, с. 98.

¹⁰³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. III, с. 179.

¹⁰⁴ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. V, с. 187.

¹⁰⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. V, с. 141—142.

¹⁰¹ Там же, с. 143.

политическую идею. Публицистика неудержимо врывается в область художественного творчества, особенно в некоторые исторические эпохи.

Для Плеханова здесь понятие публицистического подхода в литературе означает понятие идеи, партийности. Он подчеркивает, что «... истинно-философская критика является в то же время критикой истинно-публицистической».¹⁰⁷

Естественно, Плеханов является сторонником реалистического направления в искусстве. Его теоретические суждения отражают правду жизни. Поэтому он выступает противником модернизма, того способа выражения чувств и разума, который искажает общественную жизнь, уходит от нее. Можно вполне согласиться с Б. Бурсовым, который пишет: «Плеханов является выдающимся теоретиком реализма. Он наметил свои аспекты понимания принципов реалистического искусства, исходя из условий своего времени».¹⁰⁸ Но, выступая против модернизма в искусстве (кубизма, футуризма) в целом, Плеханов видит в новом течении — импрессионизме и то новое, что оно приносит с собой, — открытие им новых световых эффектов, обогащение нашего видения окружающей действительности. Плеханов выступает последовательным противником соединения социализма и модернизма, противником декадентских вкусов. В его критике не все безупречно, как не все безупречно в смысле понимания им критериев реалистического искусства, соотношения относительного и общечеловеческого и пр.¹⁰⁹ Но Плеханов выступил первым критиком таких форм модернизма, как кубизм, футуризм, с общих марксистских позиций. В этом его большая заслуга.

Плеханов с наибольшей полнотой и основательностью исследует вопрос о специфической зависимости литературы и искусства от экономического базиса и политики общества, указывая на их опосредованную и очень часто весьма удаленную и даже «прерывную» связь. Он устанавливает, что наиболее близкая связь практики и искусства была лишь на первом этапе человеческого общества.

«Изучение искусства первобытных племен показало, — замечает Плеханов, — что общественный человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии переходит в своем отношении к некоторым из них на точку зрения эстетическую».¹¹⁰

Кстати, нельзя не остановиться на критическом подходе Плеханова ко всякого рода попыткам вывести искусство из биологических начал человека. «Искусство, — пишет он, — есть общественное явление».¹¹¹ Полемизируя с биологической концепцией происхождения и сущности искусства, Плеханов указывает, что происхождение обычаев, связанных с теми или иными украшениями, «надо искать в какой-нибудь очень сложной ассоциации идей, а не в законах биологии, к которым он, очевидно, не имеет ни малейшего (непосредственного) отношения».¹¹²

Плеханов спрашивает, откуда берутся те сложные идеи, которые ассоциируются с ощущениями в представлениях о красивом у первобытных народов. «Очевидно, что ответить на эти вопросы может не биолог, а только социолог».¹¹³ Не биология, а социология объясняет происхождение и сущность искусства. «Природа человека делает то, что у него могут быть эстетические вкусы и понятия. Окружающие его условия определяют собой переход этой возможности в действительность: ими объясняется то, что данный общественный человек (т. е. данное общество, данный народ, данный класс) имеет именно эти эстетические вкусы и понятия, а не другие».¹¹⁴

На основании не совсем четкой формулировки одного положения в статье «Искусство и общественная жизнь» о соотношении биологических предпосылок и социальной сущности понятия (идеала) красоты некоторые исследователи пытались приписать Плеханову концепцию, согласно которой он будто бы уравнивал значение биологического и социального в своих эстетических воззрениях. С таким толкованием невозможно согласиться. Точка зрения Плеханова монистична. Отдельные неточности в формулировках не должны закрывать от нас истинного.

¹⁰⁷ Там же, с. 185.

¹⁰⁸ Иностранная литература, 1966, № 7, с. 184.

¹⁰⁹ Ли ф ш и д М. Р. В. Плеханов и критика модернизма. — Художник, 1967, № 1.

¹¹⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. V, с. 433.

¹¹¹ Там же, с. 285.

¹¹² Там же, с. 291.

¹¹³ Там же, с. 292.

¹¹⁴ Там же, т. V, с. 294.

Важнейшей заслугой Плеханова является глубокое и обстоятельное обоснование внутренней, органической связи искусства с общественной жизнью. Перечитывая многие работы по искусству, по вопросам эстетики, Плеханов отмечает те положения различных авторов, в которых утверждается социальный характер искусства. Так, например, читая книгу Де Грефа «Introduction á la Sociologie», он отмечает на полях стр. 188 — «NB» и подчеркивает следующее положение автора: «Несомненно, что во все времена в Индии, Египте, в Греции и Риме наиболее значительные произведения искусства имели в большей степени социальный характер. В действительности, художественная свобода ограничена не только законами органической и неорганической материи и социально-экономическими законами существования, но, косвенным образом, всей моральной, правовой и политической эволюцией цивилизации».¹¹⁵

Плеханов устанавливает, что на первых ступенях человеческого общества зависимость искусства от развития производительных сил и существующих производственных отношений выступает большей частью непосредственно. Но с развитием и обогащением социальных отношений эта связь получает все больше и больше опосредованный характер, а в дальнейшем она может быть утеряна, и тогда приобретут значение идеологические и бытовые стороны общественной жизни в развитии искусства.

В своем произведении «Письма без адреса» и в «Конспекте лекций об искусстве» Плеханов прослеживает зависимость искусства у первобытных племен от экономики или техники на примере танцев, орнаментики, песен и пр. «Если состояние тех производительных сил, которыми располагают первобытные народы, определяет собою свойственную этим народам орнаменту, то характер украшений, употребляемых данным племенем, должен, с одной стороны, указывать на состояние его производительных сил».¹¹⁶

Связь даже первобытного искусства с экономикой не всегда проступает непосредственно. «Я уже не раз говорил, — пишет Плеханов, — что даже в первобытном охот-

ничьем обществе техника и экономика не всегда непосредственно определяют собою эстетические вкусы. Нередко тут действуют довольно многочисленные и разнообразные промежуточные „факторы“. Но посредственная причинная связь не перестает быть причинной связью».¹¹⁷

По мере развития общества, связанного с изменением производительных сил, происходит усложнение общественной психологии, а с нею изменяется связь искусства с экономикой. Она становится более удаленной. «На самом деле художественное творчество цивилизованных народов, — пишет Плеханов, — не менее первобытного подчинено необходимости. Разница состоит лишь в том, что у цивилизованных народов исчезает непосредственная зависимость искусства от техники и способов производства. Я знаю, конечно, что это очень большая разница. Но я знаю также, что она причиняется не чем иным, как именно развитием общественных производительных сил, ведущих к разделению общественного труда между различными классами».¹¹⁸

Глубоко прослеживая различные формы связи искусства и литературы с экономическим и социальным базисом, Плеханов анализирует их относительную самостоятельность. Это составляет его исключительную заслугу. Он решительно выступил против схематизма в объяснении форм общественного сознания, против одностороннего подхода к вопросу о соотношении базиса и идеологий. «Непосредственное влияние экономики на искусство и другие идеологии, — пишет Плеханов, — вообще замечается крайне редко. Чаще всего влияют другие „факторы“: политика, философия и пр. Иногда действие одного из них становится заметнее, чем действие других. Так, в Германии прошлого века на развитие искусства очень сильно повлияла критика, т. е. философия. Во Франции времен реставрации литература находилась под сильным влиянием политики... Да нельзя и пересчитать тех разнообразных сочетаний, в которые сплетаются те „факторы“ в различных странах и в различные эпохи общественного развития».¹¹⁹

В основе суждений Плеханова об искусстве находится социологический принцип исследования. Но это вовсе не

¹¹⁵ Greif G. de. Introduction á la Sociologie. Paris, 1886, p. 188. БДП А.376.

¹¹⁶ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. V, с. 380.

¹¹⁷ Там же, с. 382—383.

¹¹⁸ Там же, с. 310—311.

¹¹⁹ Там же, с. 230.

означает, что он оставляет в стороне эстетико-художественную сторону анализа. Нет, он говорит о двух взаимосвязанных моментах исследования, но, будучи философом и социологом, он в своем анализе прежде всего избирает социологический аспект. В этой области Плеханов является виднейшим марксистским исследователем. Он раскрывает зависимость искусства от общественной жизни, от социальных закономерностей, показывает неотделимость его от идей и художественных образов, от общественных движений исторических эпох. Связь искусства с экономикой осуществляется через ряд посредствующих звеньев и к тому же не всегда его содержание и форма обуславливается экономикой, даже через посредствующие звенья. Такой связи может не быть, так как искусство без остатка оказывается обусловлено теми или иными надстроечными явлениями. Эти стороны проблемы он оттеняет в своей работе «Искусство и общественная жизнь», в которой содержится анализ новейших буржуазных направлений в искусстве (кубизм) на основе виденной им живописи в Осеннем Салоне в Париже.

Важно отметить то обстоятельство, что для Плеханова миросозерцание, философские идеи всегда в различной степени связаны с надстроечными явлениями искусства образуют теоретический стержень их содержания. Читая сочинения Белинского, Плеханов обращает внимание на его положение в 4-м томе: «Миросозерцание есть основа и источник литературы» (с. 218). Эту сторону рассматриваемой проблемы он делает основой изысканий в своих произведениях. Исключительное значение в произведениях Плеханова, посвященных эстетическим проблемам, по этому приобретает методологический аспект.

Однако есть один вопрос в эстетической концепции Плеханова, который снижает решение выдвинутых им концептуальных проблем. Это вопрос о соотношении объективного и субъективного в эстетике. В споре между Плехановым и Луначарским была одна сторона, на которой настаивал последний и в которой подчеркивалось то, на что недостаточно обращал внимание первый. Это вопрос о значении субъективного фактора в эстетической теории.

Плеханов требует от новой, научной теории объективного подхода к действительности. «Научная эстетика не дает искусству никаких предписаний; она не говорит ему

ты должно держаться таких-то и таких-то правил и приемов. Она ограничивается наблюдением над тем, как *возникают* различные правила и приемы, господствующие в различные исторические эпохи... Словом, она объективна, как физика, и именно потому чужда всякой метафизики. И вот эта-то *объективная* критика, говорим мы, оказывается *публицистической* именно постольку, поскольку она является истинно научной».¹²⁰

Плеханов прав, когда ставит вопрос о научно-объективном содержании эстетики. Прав он и тогда, когда публицистика у него имеет также объективную основу. Но, выдвигая эти тезисы, Плеханов не всегда и не в достаточной мере отдает должное субъективному фактору творческой деятельности художника.

¹²⁰ Там же, с. 186.